

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ФОНЕМА *ə* В ТАТЫШЛИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Татышлинский диалект удмуртского языка, распространенный в среднем течении р. Быстрый Танып (в бассейне р. Юг), до настоящего времени не был объектом специального исследования. Несколько коротких песен, записанных в начале нашего столетия Б. Мункачи от уроженца дер. Новый Калмияр Татышлинского района Ахмадыши Джандусова и опубликованных впоследствии Д. Р. Фуксом¹, при всей точности их транскрипции далеко еще не достаточно для того, чтобы получить удовлетворительное представление о языке татышлинских удмуртов. В целях более подробного ознакомления с данной локальной разновидностью удмуртского языка в марте 1971 года Удмуртским научно-исследовательским институтом истории, экономики, литературы и языка была организована экспедиция в Татышлинский район Башкирской АССР.

Материалы экспедиции показали, что перед нами довольно своеобразный диалект удмуртского языка, имеющий много общих черт с бавлинским, шошминским и кукморским диалектами (что дает основание объединить их в более крупную территориальную единицу языка — наречие, называемое периферийно-южным), но не идентичный ни с одним из перечисленных.

Например, в области вокализма наиболее яркой отличительной особенностью диалектов периферийно-южного наречия является наличие большего, чем в других диалектах, количества гласных фонем. В шошминском диалекте восемь гласных фонем², в говорах кукморского и бавлинского диалектов исследователи насчитывают до восьми или девяти гласных³, в то время как в диалектах северного, срединного и юж-

¹ B. Munkácsi, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs, Helsinki 1952 (MSFOu 102), стр. 478—482, 503—505.

² Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — ТМарНИИ, вып. XV. Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961, стр. 129.

³ И. В. Тараканов, О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка. — Keeleteaduslikke töid, Tartu 1959 (TRÜT 77), стр. 187—188; В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Москва 1970, стр. 7.

ного наречий — семь гласных⁴, а в бесермянском наречии их всего шесть.⁵

Татышлинский диалект обладает рекордным для удмуртского языка количеством гласных: *i, e, u, ü, o, ö, a, ä, ə* и *ə*. Девять из перечисленных десяти почти сходны как по своим акустико-артикуляционным признакам, так и по особенностям употребления с соответствующими фонемами бавлинского, кукоморского и шошминского диалектов. Фонема же *ə* характерна лишь для вокализма татышлинского диалекта.

Неогубленный гласный передне-среднего ряда среднего (верхне-среднего?) подъема *ə* татышлинского диалекта напоминает по своему акустическому эффекту неогубленные редуцированные гласные переднего ряда некоторых финно-угорских (мар. диал. *ÿ*, хант. диал. *ä*⁶) и тюркских (чув. *ě*, тат., башк. *э* (*e*)⁷) языков. Однако в отличие от последних, татышлинский *ə* имеет несколько более заднерядную артикуляцию и, по-видимому, не является редуцированным, хотя и произносится, подобно гласному *ä*, несколько короче, чем другие гласные среднего и нижнего подъема. Впрочем, более точное акустико-артикуляционное описание этого редкого в удмуртских диалектах гласного возможно лишь на основе соответствующих экспериментальных данных.

Гласный *ə* употребляется в первом слове некоторых слов удмуртского (гесп. финно-угорского) происхождения и заимствований из тюркских или через тюркские языки, например: *paž* 'лодка', *gažə* 'коготь, ноготь'; *bəräm-bəräm* 'в отдельности, поодиночке, поштучно', *bälüzək* 'браслет с монетами (женское праздничное украшение)', *gäl* 'постоянно, все время', *gəne* 'только, лишь, лишь только', *dəm* 'очень, весьма, совсем, совершенно': *dəm vištem* 'глупый-преглупый', *dəm sukär* 'совершенно слепой', *dəm čoro* 'совершенно глухой', *kəzmät* 'служба'; *kəzmät karä* 'служить', *kären* 'хрен', *kərpis* 'кирпич', *tälä* 'желать' и т. д.

Употребление *ə* в непервых слогах простого непроемного или производного слова обусловлено действием гармонии гласных.

Гласный *ə* регулярно выступает во втором и далее слогах в том случае, если предшествующий слог содержит гласные передне-среднего ряда *ü, ä* или *ə*: *nüšə* 'долбня, толкушка, колотушка', *čüštəm zəŋ* 'запах горелой шерсти', *šükə* 'пена', *šüšə* 'снегирь', *üzə* 'земляника', *güdəri* 'гром', *čüňä* 'жеребенок', *sürəm* 'чад, угар', *küdä* 'лукошко', *türlə* 'раз-

⁴ Т. И. Тепляшина, Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 21. Филология, Ижевск 1970, стр. 159; I. Tагаканов, Udmurdi keele uva-a-vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned fonetilis-morfoloogilised erijooned. — ESA IX 1963, стр. 200 (отнесение автором неслогового *ü*, выступающего в анлауте вместо общеудм. *u*, в ин-и ауслауте вместо *i*, в систему вокализма в качестве восьмой единицы следует считать опечаткой, ибо выше, на стр. 189—191, он совершенно справедливо включает его в состав согласных); С. К. Бушмакин, Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту 1971, стр. 10; Г. А. Архипов, Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка. — Keeleteaduslikke töid, I, Tartu 1962 (TRUT 117), стр. 190 и др.

⁵ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970, стр. 62.

⁶ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1964, стр. 68; И. Г. Иванов, Г. М. Гужаров, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 38; Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект, Москва—Ленинград 1961, стр. 9, 11.

⁷ Н. А. Андреев, Краткий грамматический очерк чувашского языка. — Чувашско-русский словарь, Москва 1961, стр. 602; Ф. С. Фасеев, Краткий грамматический справочник татарского языка. — Татарско-русский словарь, Москва 1966, стр. 816; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Москва 1948, стр. 11—12.

личный, разнообразный', *čukər* 'чашка', *gümər* 'век, жизнь (человеческая)'; *änəs* 'анис', *ärəm* 'попынь горькая', *žämsəz* 'некрасивый', *žäjlə* 'удобный, удобно', *käzər* 'сейчас', *kädər* 'честь, почет, уважение'; *bərdə* 'пуговица (металлическая)', *gəžə* 'ноготь, коготь', *məŋlə* 'веселый, приятный, открытый, дружелюбный' и т. д.

При наличии в первом слове гласных *i* и *o* употребление *ə* в последующем слове носит факультативный или индивидуальный характер: в одних словах выступает *ə*, в других вместо возможного *ə* — неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда *ɘ*, а в третьей группе слов в произношении разных лиц свободно варьируют гласные *a* ~ *ɘ*, например: а) *iňžə* 'пуговка (мелкая)', *izgə* 'святой, священный', *kisəri* 'морщина', *körəš* 'сосед', *körək* 'мех (кузнецный)', *pələ* 'большой палец'; б) *siňäs* 'нитка', *kisə* 'карман', *döžə* 'сани', *ožət* 'мало, немного', *pöškə* 'фурункул'; в) *pitärən* ~ *pitāran* 'колесо', *nökə* ~ *nökə* 'каймак', *köžə* ~ *köžə* 'горох'. При заднерядной огласовке первого слога употребление *ə* в последующих слогах простого слова невозможно.

Гласный *ə* в татышлинском диалекте представляет собой, несомненно, самостоятельную фонему, что подтверждается наличием в диалекте определенного круга слов, в которых *ə*, противопоставленный всем остальным гласным, выступает в смысловоразличительной функции:

ə : *ɘ* : *i* : *o* : *e* : *u*, ср. *tər* 'живой, подвижный' : *tār* 'полный, сытый; кладь' : *tir* 'топор' : *tör* 'передняя, противоположная двери, сторона в избе' : *ter* 'вмещайся, влезь' : *tur* 'тетерев';

ə : *ɘ* : *u* : *o* : *u*, ср. *sər* 'благодарность' : *sār* (повелительное от *sārə* 'стегать, прошивать') : *sür* 'серый, серой масти' : *sör* 'разбей, сломай' : *sur* 'пиво'; *gər* 'гиря' : *gār* 'ступа; паши' : *gür-* (в слове *gür-gür*) 'разваристый, рассыпчатый (о картофеле)' : *gör* 'инея' : *gur* 'печь';

ə : *ɘ* : *o* : *a*, ср. *kəš* (междометие, служащее для отгона птиц) : *kāš* 'шелуха; жмых' : *kōš* 'невкусный' : *koš* 'прочь, уходи' : *kaš* 'бровь';

ə : *ɘ* : *u* : *o*, ср. *pəž* 'лодка' : *pāž* 'пеки' : *pūž* 'сито' : *pož* 'грязный, мутный, нечистый';

ə : *ɘ* : *e* : *u* : *ä*, ср. *bər* 'раз, если' : *bār* 'г. Бирск' : *ber* 'поздно' : *bur* 'типс' : *bār* 'ударь'.

Правда, гласный *ə* в отличие от других имеет в рассматриваемом диалекте незначительную фонемную нагрузку, что выражается, во-первых, в малой употребляемости *ə* и, во-вторых, в немногочисленности и непоследовательности проявления некоторых оппозиций данного гласного с другими (встречаются случаи нарушения следующих противопоставлений: *ə* : *ɘ*, например, *tə* ~ *tə* 'легкие', *səŋər* ~ *səŋər* 'сухожилие; резина', *dədək* ~ *dədək* 'голубь', *gəne* ~ *gəne* 'только, лишь'; *ə* : *i*, например, *näsəl* ~ *näsəl* 'потомство; родня по мужской линии'). Однако носители диалекта четко отличают гласный *ə* от всех остальных, в том числе и от наиболее близких к нему гласных *i*, *ɘ*.⁸ Это еще раз подтверждает фонематический статус гласного *ə* в изучаемом диалекте.

Происхождение этой «экзотической» для удмуртских диалектов фонемы довольно загадочно.

⁸ Например, когда я, носитель другого диалекта, в котором отсутствует аналогичный звук, произнес *galbižijan* (женское имя) с *i* вместо *ə* в первом слоге (*galbižijan*), жители д. Калмияр тотчас же уловили ошибку в моем произношении и поправили меня.

При установлении генезиса фонемы *ə* в татышлинском диалекте нельзя пройти мимо того факта, что, как было уже замечено выше, сходные по звучанию — хотя и не совсем тождественные — фонемы функционируют в диалектах родственных марийского и хантыйского языков. Причем, по единогласному заявлению исследователей, рассматриваемые гласные являются чуть ли не самыми распространенными и не встречаются никаких позиционных ограничений в своем употреблении в структуре слова соответствующих языков.⁹

Что касается удмуртских диалектов, то подобный гласный известен еще и учинскому говору кукморского диалекта. В последнем он не представляет собой самостоятельной фонемы¹⁰ и с большей или меньшей закономерностью встречается в полтора десятках слов, например: *vər* 'кровь', *gər* 'гиря', *tər* 'топор', *gəne* 'только, лишь', *gərgorej* 'Григорий', *əspərdon* 'Спиридон', *əspərt* 'спирт', *əskərt* 'скирда', *səŋər* 'сухожилие', *kəzər* 'сейчас', *bətənnäj* 'совсем, вовсе', *bədzəm* ~ *bədzəm* 'старший, великий' и т. д.

Наличие рассматриваемого гласного в двух близкородственных диалектах удмуртского языка и сходной фонемы в некоторых других финно-угорских языках позволяет высказать предположение о его финно-угорском происхождении. К тому же, в единичных словах кукморского (учинский говор) и татышлинского диалектов гласный *ə* соответствует переднерядным гласным *ï(ä)* или другим редуцированным марийских и хантыйских диалектов и нешироким переднерядным гласным *e* или *y* финского языка:

кукм. (учин.)	татышл.	мар. диал.	хант. фин. диал.
<i>vər</i> 'кровь'	<i>vir</i>	<i>vȳr</i> ~ <i>vñr</i>	<i>vär veri</i> 'кровь'
<i>tər</i> 'топор'	<i>tir</i>	—	— <i>terä</i> 'острие, носок'
<i>gəžə</i> 'ноготь, коготь'	<i>gəžə</i>	<i>kȳč</i> ~ <i>kñč</i>	<i>kəñč kynsi</i> 'ноготь, коготь'
<i>pəž</i> 'лодка'	<i>pəž</i>	<i>pñš</i> 'лодка'	— —

Однако количество слов финно-угорского происхождения с гласным *ə* в удмуртских диалектах слишком незначительно, чтобы выявить закономерные корреспонденции его с гласными родственных языков и убедиться в финно-угорском происхождении данной фонемы. Более того, как можно заметить из таблицы, в упомянутых удмуртских диалектах не совпадают слова, в которых выступает гласный *ə*, что дает законное основание усомниться в древнем характере и даже общем происхождении *ə* в диалектах удмуртского языка.

Нам кажется более вероятной гипотеза о том, что гласный *ə* появился в названных удмуртских диалектах относительно поздно, в период самостоятельного развития каждого из них, под влиянием татарского языка. О существенной роли последнего в возникновении *ə* в удмуртском языке свидетельствует большое количество тюркских заимствований татышлинского и кукморского диалектов, в которых гласный *ə* восходит к сходному по звучанию татарскому гласному *ë* (орфо-

⁹ И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, указ. раб., стр. 38; Н. И. Терешкин, указ. раб., стр. 11

¹⁰ В. К. Кельмаков, указ. раб., стр. 8.

графически *э* или *е*)¹¹, например, в татышлинском: *əɾə* 'заснайка' < тат. *эре* 'высокомерный, спесивый, горделивый, заносчивый', *bəräm-bəräm* < тат. *берәм-берәм* 'порознь, по одному, поодиночке', *kəzmät* < тат. *хезмät* 'труд, работа; служба, должность', *bäläzək* < тат. *белäзек* 'пясть руки; браслет', *tälä-* < тат. *телä-* 'желать, пожелать, хотеть', *kädär* < тат. *кадер* 'честь, почет, уважение, почтение', *gäl* < тат. *гел* 'постоянно, все время, всегда', *ägät* < тат. *эрем* 'полюнь', *gütär* < тат. *гомер* 'жизнь (время от рождения до смерти), век', *sürät* < тат. *сәрем* 'копоть; чад, смрад'; в татышлинском и кукморском: *gär* < тат. *гер* 'гиря', *səŋər* < тат. *сеңер* 'сухожилие', *gəne* (~ *gəne*) < тат. *генä* ~ *гына* 'лишь, только', *küzär* < тат. *хэзер* 'сейчас, теперь, ныне', татышл. *bütən-näj* ~ кукм. *bätännäj* < тат. *бөтенләй* 'целиком, полностью; окончательно, совершенно' и др. Общий лексический фонд татышлинского и кукморского диалектов, содержащий гласный *э*, объясняется в данном случае не общностью и взаимосвязанностью процесса происхождения последнего в названных диалектах, а параллельными и независимыми заимствованиями одних и тех же слов из единого источника.

В исключительно редких случаях татышл. *э* восходит к огубленному редуцированному гласному переднего ряда среднего подъема *ө* татарского языка, например: *əmət* < тат. *өмет* 'надежда, чаяние, упование, ожидание; мечта'.

Если в генетическом плане фонема *э* в татышлинском диалекте представляет собой явное заимствование из татарского языка, то в отношении системы гласных удмуртского диалекта появление *э* можно квалифицировать как заполнение «пустой клетки». Четкая корреляция гласных на основе противопоставления заднерядности и передне-среднерядности, охватывавшая шесть фонем: две пары огубленных (*u : ü, o : ö*) и пару неогубленных (*a : ä*), с появлением гласного *э* распространилась и на четвертую: *ä : э*. В результате в системе гласных фонем рассматриваемого диалекта сложилась довольно стройная микросистема заднерядных и незаднерядных гласных, способная служить парадигматической базой для гармонии гласных¹² (см. табл.).

Окончательному утверждению *э* в вокализме татышлинского диалекта в качестве самостоятельной фонемы в немалой степени способствовало, по-видимому, возникновение в последней гармонии гласных, резко повысившей частотность употребления *э* преимущественно в непервых слогах как финно-угорских, так и тюркских по происхождению слов. Появление *э* и становление гармонии гласных в рассматриваемом диалекте, несомненно, взаимосвязаны, хотя трудно выяснить, что явилось в данном случае причиной, а что — следствием. Доказательством тес-

¹¹ Исследователи татарского языка дают следующие описания данного гласного: «Фонеме *э* можно характеризовать как полуузкий, краткий, закрытый гласный переднего ряда, стоящий между русскими *э* (в слове *эти*) и *и*» (Ф. Г. Исхаков, Об отдельных фонемах татарского языка. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I. Фонетика, Москва 1955, стр. 233; Р. С. Газизов, Сопоставительная грамматика татарского и русского языков, Казань 1966, стр. 9). «*э* — передний смешанный, самого верхнего подъема среди смешанных (хотя ниже передних долгих *ä, ü*), негубной гласный» (У. Ш. Байчуря, Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк, Казань 1959, стр. 34). «Фонема *э* — неогубленный, среднего подъема, переднего ряда, краткий, полуузкий гласный звук» (Хазерге татар әдәби теле (Лексика. Фонетика. Орфоэпия. Графика һәм орфография. Морфология), Казань 1965, стр. 109).

¹² В. К. Кельмаков, Зачатки гармонии гласных в периферийно-южном наречии удмуртского языка. — Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР), Саранск 1972, стр. 44.

Подъем и огубленность		Ряд		
		Передний	Передне-средний	Задний
Верхний	Огубленный Неогубленный	<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>u</i>
Средний	Огубленный Неогубленный	<i>e</i>	<i>ë</i> [ə]	<i>o</i> <i>ö</i>
Нижний	Огубленный Неогубленный		<i>ä</i>	<i>a</i>

ной взаимосвязи и взаимообусловленности этих двух фонетических явлений служит, в частности, отсутствие фонемы *ə* в несингармонических бавлинском и кукморском диалектах, по характеру вокализма сходных с татышлинским и имеющих, как и последний, значительный пласт тюркских элементов во всех языковых уровнях.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DAS ə-PHONEM IN DER TATYŠLY-MUNDART DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Der unlabialisierte ə-Vokal der vorder-mittleren Reihe der mittleren Zungenhebung ist von uns nur in zwei udmurtischen Mundarten, in der Kukmor- und Tatyšly-Mundart, angetroffen worden; und nur in der letzten Mundart tritt er als selbständiges Phonem auf.

Dieses Phonem trifft man in der Tatyšly-Mundart in allen Silben des Wortes, doch ist dessen Gebrauch in den nichtersten Silben durch den Einfluß des Vokalharmoniegesetzes beschränkt.

Obwohl lautähnliche Vokale auch in einigen finnisch-ugrischen Sprachen (z. B., in den Mundarten des Marischen und des Chantischen) vorhanden sind, kann man das ə-Phonem der Tatyšly-Mundart kaum zum finnisch-ugrischen Erbe zählen. Es ist wahrscheinlicher, daß es in der genannten udmurtischen Mundart unter dem Einfluß der türkischen Sprachen, in erster Linie unter dem des Tatarischen, entstanden ist.